

«Опередил меня, наглец негодный,
За огорчения и за невзгоды
Получит он с полтины четвертак,
Мне ж ничего. Лежи тут, как дурак!
Он утешает Мельникову дочку,
Уже он снял, должно быть, и сорочку,
А я один здесь, словно куль мякины,
И некому утешить дурачину.
Да то ли будет! Завтра изведут
Товарищи, разиней назовут;
И Алан первый станет издеваться:
Нет счастья трусу. Надо отыграться».
И, ухватясь за ножку колыбели,
Он потянул дитя к своей постели.
От рези мельничиха пробудилась,
Прошла во двор и вскоре воротилась.
Постельки сына не найдя на месте,
Зашарила во тьме, куда же лезть ей.
«Уж не студента ль здесь стоит кровать?
Да сохранит меня святая мать.
Вот было б скверно! – шепчет, ковыляя. -
Да где ж он? Фу-ты, темнота какая».
Вот колыбель она с трудом нашла,
Дитя укутала, в постель легла
И только что заснуть уже хотела -
Был Джон на ней и принялся за дело.
Давно уж мельник так не ублажал
Свою жену, как ловкий сей нахал.
И так резвились без лишних слов
Студенты вплоть до третьих петухов.
Ослаб наш Алан только на рассвете,
Когда восток уж становился светел.
«Прощай, мой друг, – девице он сказал, -
Тебя бы я без счету целовал,
Но скоро день, нам надобно расстаться,
Позволь твоим любимым называться».
«Прощай, мой милый. Приходи опять.
Найдешь у двери то, что своровать
Велел отец мне: хлеба каравай, -
Его спекли вчера мы, так и знай,
Из той муки, что утром вы мололи.
Иди, любимый. Будь господня воля».
И, чувствуя, что ей сдавило грудь,
Шмыгнула носом, чтобы не всплакнуть.
Поднялся Алан и пошел искать
Впотьмах покинутую им кровать.
На колыбель он по пути наткнулся
И про себя в досаде чертыхнулся.
«Ну, счастливо отделался испугом.
А голова пошла, как видно, кругом.
Должно быть, ночью я переборщил.
Я к мельнику чуть-чуть не угодил».
Пошел он дальше; бес его попутал.
И мельника он с Джоном перепутал.
Он, наклонясь, тряхнул его легонько